

Пазухин Алексей Михайлович

Матушка Русь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
Матушка Русь / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 308 с.

ISBN 978-5-521-27084-2

ISBN 978-5-521-27084-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

находя въ этихъ причудливыхъ пятнахъ и наростахъ сходство съ различными предметами. Вотъ это сочетание бѣлыхъ пятенъ на сѣромъ стволѣ или было похоже на голову мальчика въ мохнатой черкесской шапкѣ; этотъ наростъ напоминалъ профиль лысаго старика, съ сильно развитымъ черепомъ и курносимъ носомъ, похожимъ на носъ Сократа; эти пятна и наросты были похожи на группу схватившихся въ охапку людей и т. п. нѣкоторыя фигуры были такъ ясны, что Каплюжинъ даже подошелъ къ елкѣ, чтобы разглядѣть поближе, но вблизи всѣ эти пятна и наросты представляли изъ себя лишь безформенныя массы.

— „Такъ и въ жизни!—подумалъ Каплюжинъ.—Издали иной человѣкъ, иная идея кажутся красивыми, правильными, полными смысла и гармоніи, а подойдешь къ нимъ поближе и у видишь безформенное что то, жалкое, нелѣпое!..“

Онъ снова сѣлъ и сталъ отыскивать въ пятнахъ деревьевъ сходство съ какими нибудь предметами, а самъ въ это время думалъ, думалъ, думалъ...

Все ему было дано судьбою для полного благополучія; вѣроятно ему многіе завидовали и называли счастливымъ, а между тѣмъ онъ недавно былъ недалеко отъ самоубійства и уже купилъ для этой цѣли револьверъ.

Онъ получалъ очень большое жалованье и былъ, что называется, „на дорогѣ“, молодой, красивый, прекрасно образованный, онъ имѣлъ красавицу жену, тоже отлично образованную и недюжинную музыкантшу, принесшую

съ собой очень хорошее приданое; онъ былъ силенъ и здоровъ; начальство его цѣнило и уважало, а товарищи очень любили, и тѣмъ не менѣе онъ недавно чуть чуть не пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Это было результатомъ полнѣйшаго недовольства жизнью.

Ему хотѣлось широкой дѣятельности; ему казалось, что его окружають пустые и пошлые людишки и что сама жизнь пуста и безсодержательна, что счастья нѣтъ на землѣ и быть не можетъ. Кромѣ этого, ему не нравился образъ жизни его жены, которая слишкомъ много выѣзжала, слишкомъ хорошо одѣвалась и занималась собою и окружала себя пустыми людьми, вродѣ этого Фіалкина, которые явно ухаживали за нею и тѣмъ компрометировали и ее, и самого Каплюжина. Сумма всѣхъ этихъ недовольствъ составила невыносимое страданіе, которое выросло подѣ вліяніемъ чтенія современныхъ беллетристовъ, ноющихъ, какъ больной зубъ, и разстраивающихъ нервы своими печальными, тоскливыми произведеніями.

Усиленная работа для добыванія средствъ къ той пустой и безсодержательной жизни, которую вели Каплюжины; ночи, проводимыя въ клубѣ и у „Яра“; вино, карты, тотализаторъ, взвинчиваніе нервовъ въ театрѣ, конечно, способствовали развитію неврастеніи, и вотъ молодой, красивый, отлично обеспеченный человѣкъ, мужъ красавицы и милой жены, задумался о „нирванѣ“ и пошелъ покупать револьверъ. Не застрѣлился онъ только

потому, что ему сперва захотѣлось докончить порученную ему работу, а тутъ пришло лѣто съ купаньемъ, съ верховою ѣздой, съ прогулками по лѣсамъ и нервы успокоились. Къ срединѣ лѣта они опять стали шалить отъ вторженія въ жизнь разныхъ городскихъ элементовъ и отъ появленія Фіалкиныхъ, наводнявшихъ дачу, явившихся изъ Москвы на велосипедахъ, верхомъ, на поѣздахъ.

И вотъ Каплюжинъ въ чудный іюльскій вечеръ сидѣлъ на террасѣ своей дачи и скучалъ, а за скукою обыкновенно появлялась тоска и нервное разстройство.

Каплюжинъ всталъ и велѣлъ осѣдлать лошадь,—ему захотѣлось куда нибудь въ поля, въ лѣса, на волю, подальше отъ этихъ завывающихъ барышень, расфранченныхъ дамъ, Фіалкиныхъ и прочихъ явленій дачной жизни.

Онъ вспомнилъ, что его звалъ въ гости учитель сельской школы Взоровъ, съ которымъ онъ недавно познакомился и школа котораго была верстахъ въ пятнадцать отъ дачи Каплюжина, при селѣ Раменскомъ.

Добрый степной конекъ живо домчалъ Каплюжина по отличной и очень веселой дорогѣ и не болѣе какъ черезъ полтора часа Каплюжинъ былъ у цѣли своего путешествія.

Оказалось, что Взоровъ былъ имянинникъ и въ школу къ нему собралось довольно много гостей. Это обстоятельство огорчило было Каплюжина, и онъ уже подумывалъ вернуться домой, но скоро почувствовалъ себя прекрасно среди этихъ простыхъ людей и остался.

Большая классная комната была обращена въ залу, а помещеніе учителя, состоящее изъ двухъ комнатъ, служило столовою и гостинной; тамъ гости пили чай, закусывали, играли въ рамсъ по полукопѣйкѣ. Взоровъ, веселый и добродушный человѣкъ, лѣтъ тридцати, кругленькій, румяный, подвижной, усердно угощалъ своихъ гостей и старался занять ихъ всѣхъ такъ, чтобы не было никому скучно; миловидная и тоже веселая жена его помогала ему въ этомъ, и цѣль была достигнута блестяще, — всѣ веселились напропалую! Въ „гостинной“ степенно бесѣдовали у чайнаго столика священникъ, дьяконъ, сановитый старшина и ихъ жены; пожилой учитель сосѣдней школы, мѣстный торговецъ Твороговъ, волостной писарь Перчаткинъ и неаломщикъ Чаровицынъ играли въ рамсъ, а молодежь старалась устроить въ „залѣ“ танцы, но оказавшись, что единственный въ селѣ музыкальный инструментъ — „нѣмецкая гармонія“ помощника учителя накануне подмокла, забытая хозяиномъ въ огородѣ, а безъ музыки барышни танцовать не желали.

— Подъ пѣсни, барышни будемъ, подъ пѣсни! — уговаривалъ самый веселый кавалеръ, семинаристъ Мыслетевъ, хлопая въ ладоши и призывая всѣхъ къ порядку. — Кавалеры, приглашайте барышень!..

— Ну, что ужъ за танцы подъ пѣсни! — протестовала какая-то барышня. — Кадриль и лянсье еще можно, а какъ же вальсъ и польку?

— И вальсъ протанцуемъ!.. Господа, залѣвайте. „Спря-

тался мѣсяцъ за тучки!..“ Фаворскій, начинай!.. Барыш-
ни, подпѣвайте же!..

— Спрятался мѣсяцъ за тучки,
Не хочетъ онъ больше гулять,
Дайте же ваши мнѣ ручки
Къ пылкому сердцу прижать!

— Анна Павловна, позвольте ангажировать васъ на
вальсъ!..

Мыслетевъ понесся съ хорошенькою блондинкою въ
вальсъ подъ звуки пѣсни, но поющіе сбились, наврали
и при громкомъ хохотѣ всѣхъ гостей танцующая пара
остановилась посрединѣ зала.

— Нѣтъ, неудобно!—проговорила барышня. — Лучше
давайте игры играть...

— Игры, игры!... „Какъ по морю“, господа!.. Ста-
новитесь!..

Всѣ взялись за руки и образовался большой кругъ
изъ кавалеровъ и нарядно, ярко одѣтыхъ барышень и
молодыхъ дамъ.

— Анна Павловна, вы „лебедь!“—командовалъ Мыс-
летевъ.—Фаворскій, ты „соколъ“...

— Я предпочелъ бы быть „молодцемъ“, ибо тотъ
щѣлуется.

— Ладно, успѣешь еще!... Господа, начинайте!...

— Какъ по морю, какъ по морю,
Какъ по морю, морю синему
Плыла лебедь съ лебедятами!

Полилась пѣсня, и вотъ барышня вышла на средину круга и плавно пошла, продѣлывая все то, что пѣлось въ пѣснѣ.

„Плывши лебедь окунулася,
Окунувшись, встрепенулася;
Гдѣ ни взялся младъ-ясень соколъ,—
Онъ убилъ, ушибъ лебедь бѣлую!“...

Фаворскій соколомъ вышелъ на средину круга и хлопнулъ руками надъ головою лебеди и потомъ „пухъ пустилъ по поднебесью, а перушки по чистому полю?“

„Гдѣ ни взялась красна дѣвица душа,
Брала перья она лебединыя“.

Вышла другая дѣвушка „собирать перья“, а за нею „добрый молодецъ-душа“, съ которымъ она сперва кокетничала и церемонилась, а затѣмъ они помирились; „склонились, помирились, помирившись—цѣловались“.

Игра всѣхъ оживила, и послѣ нея барышни охотно уже танцовали подъ пѣсни.

— У васъ очень весело, Иванъ Петровичъ,—говорилъ Каплюжинъ учителю, сидя съ нимъ въ залѣ.

— Весело, Андрей Петровичъ?.. Не часто, вѣдь, это бываетъ, ну, и разойдутся всѣ. Народъ трудовой, работаютъ, не покладая рукъ, такъ отдыхъ то и сладокъ.

— И всѣ довольны малымъ...

— Конечно. Вотъ ужъ за ужинъ сядутъ, такъ пироги мой и баранина покажутся ни въѣсть какими явствами, и

вѣдь годъ цѣлый вспоминають этотъ пиръ, да вотъ еще встрѣчу Нового года, которую я устраиваю имъ тутъ... Цельзя, знаете,—надо и самому отдохнуть и развлечься, и жену повеселить немножко,—она вѣдь бабочка молодая, жизни въ ней много, ну, да и публику-то эту не мѣшаетъ потѣшить, все вѣдь свои,—родня, сосѣди близкіе; они тоже насъ угощаютъ.

— Простите нескромный вопросъ, Иванъ Петровичъ,—эти угощенія необременительны для вашего скромнаго бюджета?—спросилъ Каплюжинъ.

Учитель засмѣялся.

— Оно есть немного, да что же дѣлать то? Безъ людей не проживешь. Мы вѣдь мало тратимъ для обихода то, Андрей Петровичъ. Я вотъ получаю двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, ну, жена иголкою выработаетъ ситенькую и намъ этого при готовой квартирѣ и отопленіи да при своемъ огородикѣ хватаетъ, не нуждаемся, и въ три года на выигрышный билетъ скопили, а у меня и часики есть золотые, и шубу себѣ въ сорокъ цѣлковыхъ сгношилъ, а у жены бархатная есть; впрочемъ, это ея приданое. Живемъ,—безъ ужина спать не ложимся.

— И довольны судьбою?

— Вполнѣ!... Дѣло хорошее, Андрей Петровичъ, честное дѣло, это ужъ внѣ всякихъ сомнѣній. Не правда ли?

— Конечно! Ну, а скудность средствъ то не отравляетъ существованія?

— Да ея нѣтъ! Требованія ограничены, довольны ма-

лымъ, а въ этомъ весь секретъ. Тутъ и всѣ наши такъ живутъ и мыслятъ.

— И тихо все, хорошо?

— Хорошо!

— А сомнѣній, бурь, драмъ никакихъ?

Учитель задумался.

— Ну, какъ вамъ сказать?.. Есть и это, знаете, да все это переваривается въ горнилѣ трудовой, осмысленной и простой жизни... Сомнѣнія гонишь, дабы они не смущали, стараешься смотрѣть на жизнь съ ея явленіями просто, а бури, драмы... Бываютъ и онѣ.]

— Ну, и что же?

„Будетъ буря—мы поспоримъ !

И поборемся мы съ пей! |

Словно въ отвѣтъ на этотъ вопросъ запѣлъ сильнымъ басомъ Фаворскій, и хоръ подхватилъ его пѣсню.

— Слышите?—засмѣялся учитель.—Стараемся бороться. Здоровые все люди, крѣпкіе, простые...

Крѣпко задумался Каплюжинъ надъ всѣмъ, что видѣть, да и надъ своею жизнью, а крутомъ кинѣло веселье, жизнь была ключомъ, и всѣ эти люди чувствовали себя отлично, весело справляли праздникъ послѣ многихъ трудовыхъ дней.

Танцевали, играли, пѣли пѣсни.

— „Одну басню твержу
Я всѣмъ добрымъ людямъ,—
Дѣло есть—работай,
Гере есть—не горюй,

А подь случай попалъ—
На здоровье гуляй!—

заливался Фаворскій, и хоръ вторилъ ему...

Поздно ночью возвращался Капложинъ съ пирушки учителя и, шагомъ пустивъ своего коня, ѣхалъ и думалъ, думалъ, думалъ, а чудная лѣтняя ночь „пѣжила и пѣжилась“.

